

Евгений Георгиевич Луферчик

Польский вопрос: понятие, структура и содержание в Российской Империи

Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego nr 1, 5-21

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Евгений Георгиевич Луферчик

**Польский вопрос: понятие, структура
и содержание в Российской Империи**

На основе реализации принципа междисциплинарности определены научный терминологический статус и структура, а также раскрыто содержание понятия «польский вопрос». Польский вопрос рассматривается как многосложная геополитическая проблема, связанная со стремлением польского народа к независимости и территориальной целостности и проявившаяся на международном, национальном и межнациональном уровнях. Содержание польского вопроса в Российской империи реконструировано по материалам периодической печати второй половины XIX — начала XX в.

Ключевые слова: польский вопрос, Российская Империя, периодическая печать, терминологический статус, междисциплинарность.

Польский вопрос являлся проблемой, затрагивавшей не только судьбу польского народа и его государственности, а также непосредственно влиявшей на европейскую систему международных отношений, историю крупных и относительно небольших народов-соседей, их государств. Не удивительно, что к настоящему моменту в историографии накоплен внушительный опыт его изучения, а у дипломатов распространены анекдоты, показывающие раздутость этой проблемы. Злободневность и политическая деликатность польского вопроса во многом обусловили спекуляции на его почве, привели к смещению фокуса его рассмотрения с профессионального изучения историками и политологами к публицистической интерпретации и передергиванию фактов в угоду личным и корпоративным интересам.

Несколько последних десятилетий одной из актуальных задач исторической науки называется унификация или, по крайней мере, максимально точное описание тех терминов, которые исследователи используют в своих нарративах. Профессор М. С. Бобкова определяет роль термина в исторической науке как медиатора в процессе профессионально-научной коммуникации, предупреждающего недоразумения и споры между представителями разных школ и направлений [Бобкова 2010,

с. 103]. Такая важная функция терминов накладывает определенные обязательства на участников профессионального сообщества при их употреблении. Тем не менее, отчасти из-за характерной тенденциозности изучения, отчасти из-за действительной своей сложности и многогранности, суть польского вопроса остается слабо понимаемой. Рельефно это проявляется в хаотичном употреблении самого понятия и отсутствии его дефиниции в специализированных словарях. До сегодняшнего дня определенный скепсис связывается вообще с правомерностью и обоснованностью употребления понятия «польский вопрос» в нарративах профессиональных историков, при этом основной акцент делается на его абстрактности. Другая традиция, подчеркивая условность применения понятия, при его употреблении обязательно использует кавычки. Но и в случае употребления понятия без кавычек, как правило, нет четкого осознания тех явлений, которые оно раскрывает. Такое положение более чем удивительно, тем более что практически каждый исследователь, пытающийся разобраться в польском вопросе, отмечает его актуальность, сложность, противоречивость и уникальность.

Целью статьи является определить научно-терминологический статус понятия «польский вопрос», раскрыть его структуру и уникальное историческое содержание. Для решения поставленной задачи требуется, во-первых, привлекая методологический инструментарий лингвистики и терминоведения определить те основания, которые позволяют однозначно номинировать слова в качестве научных терминов. Во-вторых, необходимо осуществить рефлексию историографической практики употребления словосочетания «польский вопрос» и унифицировать контекст понимаемых под ним событий. В-третьих, важно выявить и раскрыть то содержание польского вопроса в Российской империи, которое понималось и отражалось его современниками, для чего привлекается широкая база российских периодических изданий второй половины XIX — начала XX в.

Понятие «термин», как любое другое научное понятие общественных наук, имеет различные дефиниции. Связано это с дискуссией о его ведущей функции. Одни исследователи ут-

верждают, что отличительной сущностью термина является номинативная функция, то есть то, что он называет понятие (Г. О. Винокур). Другие лингвисты считают, что специфика термина заключается в дефинитивной функции — способности определять понятия (В. В. Виноградов, Л. А. Капанадзе). В результате, одни специалисты рассматривают терминологию как составную часть общей лексики (дескриптивный подход Н. П. Кузьмина, А. И. Моисеева, Б. Н. Головина), а другие как искусственную систему специально созданных знаков (нормативный подход Д. С. Лотте, А. А. Капанадзе, А. В. Суперанской) [Лантюхова, Загоровская, Литвинова 2013, с. 42—43]. Мы придерживаемся «срединной» точки зрения, являющейся сегодня наиболее популярной. В соответствии с ней, специфика термина заключается как раз в равном сочетании номинативной и дефинитивной его функций. Терминовед П. А. Флоренский одним из первых, в этой связи, обратил внимание, что термины обладают и свойствами своей первоосновы (лексической единицы), и новыми специфическими качествами [Флоренский 1994, с. 360]. Лингвист Л. В. Ивина, уточняя данное наблюдение, отмечает, что «термин — это основная единица науки, специальных отраслей знаний и сфер деятельности человека, призванная номинировать объекты и процессы и одновременно служить средством познания окружающего мира» [Ивина 2003, с. 14]. Близко к этому и зафиксированное в дискурсе белорусской исторической науки определение, данное профессором В. Н. Сидорцовым: термин — это функциональная единица языка, обозначающая специальное понятие конкретной области знания или профессиональной деятельности, образующая совместно с другими единицами предметную систему [Сидорцов, Приборович 2013, с. 42].

Отличительной особенностью научного понятия является его терминологический статус, то есть специальное свойство, особая терминологическая морфология и сочетаемость [Суперанская 2005, с. 18—19]. О наличии такого статуса свидетельствует соответствие понятия ряду требований, предъявляемых к термину и отличающих его от других лексических единиц. Их разработкой во второй половине XX в. занимались Г. О. Винокур, А. С. Герд, В. П. Даниленко, Н. З. Котелова, В. М. Лейчик,

Д.С. Лотте, А. И. Моисеев, В. Н. Прохорова, А. А. Реформатский, С. Д. Шелов. Круг установленных требований включал: однозначность, прозрачность, краткость, мотивированность, точность и безразличность к контексту, стилистическая нейтральность, системность, наличие дефиниции, соответствие нормам литературного языка, а также отсутствие коннотации, полисемии и омонимии, эмоциональности и экспрессивности [Головин, Кобрин 1987, с. 28; Жуков 2013, с. 623; Лейчик 2007, с. 227; Николенко 2011, с. 99—100]. Сегодня этот перечень существенно сужается, так как перечисленные свойства «имеют относительный характер и представляют собой скорее требования к идеальному термину, чем его специфические свойства» [Виноградов 2005, с. 14]. К существенным признакам относят способность термина к обозначению определенного научного понятия, наличие фиксированного содержания (дефиниции), точность употребления, а также стремление к моносемичности и лаконичности. Кроме того, отличительной чертой термина является системность, то есть возможность отражения в его структуре связи называемого понятия с другими понятиями и занимаемого места в предметной системе [Лантюхова, Загоровская, Литвинова 2013, с. 42—44].

Специфическими чертами научных лексических единиц общественных наук является их неоднозначность, оценочность, стилистическая маркированность, меньшая упорядоченность и эмоциональность [Жуков 2013, с. 624]. М. С. Бобкова отмечает, что «природа исторического термина проистекает из предмета исследования и подвергается по мере его осмысления динамическим изменениям» [Бобкова 2010, с. 104]. Другой сложностью, затрудняющей достижение точности употребления терминов исторической науки, является их активное функционирование в смежных областях, что приводит к слиянию терминологического слова с лексикой общего языка и изменению смыслов. В связи с этим, профессор Б. М. Лепешко выделяет основные требования к исторической терминологии: определенность, единство применяемой системы научной лексики по всему корпусу исторической литературы, выражение содержания понятия в прямом и первичном значении используемых слов и выражений, а также преобладание динамической стороны в термине над статической стороной [Лепешко

2008, с. 24]. Стоит подчеркнуть, что предписание выражения содержания термина в прямом и первичном значении ориентирует к определению сути тех явлений, которые он означает.

В связи с этим, для определения терминологического статуса понятия «польский вопрос» необходимо на основе научно-методологической рефлексии, во-первых, выявить явления, которые оно определяет в историографии, что позволит определить структуру польского вопроса. Во-вторых, необходимо достичь точности употребления данного понятия, для чего требуется разработка дефиниции (логическая унификация контекста употребления понятия). В-третьих, следует определить место данного понятия в терминологии исторической науки и его связь с другими понятиями этой системы.

В историографии уже накоплен определенный концептуальный опыт рассмотрения польского вопроса. Исследователи фиксируют его дуализм. Например, Л. Е. Горизонтов отмечает, что «разделы Речи Посполитой и наполеоновские войны перевели российско-польские противоречия из разряда внешнеполитических в плоскость внутривнутриполитических проблем Империи» [Горизонтов 1999, с. 8]. Историки Н. В. Пислегин и Т. Т. Кручковский также отмечают, что польский вопрос для российского общества заключался во взаимосвязи его внутривнутриполитических и внешнеполитических аспектов [Кручковский 2009а, с. 4; Пислегин].

Для российской историографии, начиная с Н.М. Карамзина, внутренний аспект польского вопроса был доминирующим. Он сводился к проблемам о «невозможности восстановления независимой Польши без ущерба для российской великодержавности, и к вопросу о принадлежности православных территорий бывшей Речи Посполитой» [Кручковский 2009б, с. 101]. Современный российский исследователь С. И. Иванова рассматривает польский вопрос как «комплекс русско-польских притязаний и противоречий» [Иванова 2011, с. 3].

Исследователи также отмечают, что внутренний аспект проблемы имел философско-мировоззренческое содержание для российского общества, а поэтому понимался как проблема «цивилизационная, имеющая религиозный и историсофский параметры» [Кутявин 2011, с. 954]. С. И. Иванова рассматрива-

ет его в качестве «культурологического вызова», который обострил проблему поиска российской национальной идентичности [Иванова 2011, с. 3]. Кроме того, Л. Е. Горизонтов констатирует влияние, которое «русско-польское противостояние» оказало на современную историческую память, формирование русского национального самосознания, а также стереотипное восприятие России в Польше и в мире [Горизонтов 1999, с. 8—9].

Внешнеполитическая интерпретация польского вопроса характерна польской и западной историографической традиции. Польско-американский историк П. Вандыч замечает: «что для поляков было польским случаем, для внешнего мира являлось польским вопросом» [Wandycz 1980, p. 60]. В данной интерпретации суть польского вопроса заключалась во влиянии польских устремлений к независимости на международные отношения и была связана с проблемой существования Польши как независимого государства [Biskupski 2000, p. 22; Skowronek, Snoch 1997, s. 126; Wereszycki 1977, s. 121—122]. Британский историк Н. Дэвис в связи с этим замечает, что «судьба польских земель» являлась одной из актуальнейших проблем европейской дипломатии: «Среди всех зверей, которых можно [было] встретить в дипломатическом зоопарке [...] Европы, “польский вопрос” действительно явля[лся] слонем — если не сказать: птицей додо» [Davies 2002, s. 521].

Альтернативной тенденцией выступает рассмотрение польского вопроса как частного проявления процесса национального пробуждения европейских народов. Его содержание связывается с процессами национального строительства в полиэтничных империях и поиска возможных путей достижения независимости [Емельянов 2013, с. 25—26; Яковкина 2009, с. 62]. Такой подход прослеживается в коллективной работе белорусских историков, отмечающих, что «судьба государственности на белорусских землях напрямую зависела от решения “польского вопроса”» [Становление и развитие 2011, с. 17].

Отмеченные подходы к пониманию сути польского вопроса свидетельствуют, что каждый исследователь стремится к уточнению границ его применения, адаптации его информационной емкости или понятийно-семантической структуры под

предмет своего исследования. Такой процесс носит объективный характер и обусловлен развитием человеческого знания, что влечет за собой развитие и изменение соответствующих понятий [Володина 2000, с. 35]. Анализ и учет сложившихся подходов и новых горизонтов изучения польского вопроса позволяют нормализовать понятие, раскрыть его логическую структуру и описать контекст применения.

Понятие «польский вопрос» изначально было сформулировано в дипломатических отношениях накануне первого раздела Речи Посполитой. Его содержание было связано с определением странами-соседями возможных мероприятий для решения вопроса о политической судьбе Речи Посполитой, ее возможной независимости и территориальном составе. В 1762 г. российский император Петр III и прусский король Фридрих II обсуждали вопрос о возможности раздела Речи Посполитой. Результатом стало соглашение, по которому, после смерти «польского» короля Августа III, «королю прусскому будет обещана Польская Пруссия, а императору русскому — Малороссия или польская часть Украины» [С.-Петербург 1876, с. 280]. Н. Дэвис также отмечает наличие практических планов раздела Речи Посполитой еще до 1772 г. Так, в 1768 г. Фридрих II предоставил Екатерине II план раздела Речи Посполитой и ждал ее согласия, подталкивая ее к такому решению угрозой возможного союза Пруссии с Австрией и Турцией. Австрия, в свою очередь, также склоняла Россию к разделам Речи Посполитой проведением агрессивной военной кампании на территории польско-литовского государства и занятием части его территории [Davies 2002, s. 484].

Практически параллельно с постановкой польского вопроса во внешней политике он был сформулирован и внутри общества Речи Посполитой. Истоки этого процесса относятся ко времени Барской конфедерации (1768—1772 гг.), созданной с целью защиты внутренней и, впервые, внешней независимости Речи Посполитой. Барская конфедерация, по мнению А. Валицкого, «выявила особенно важный момент в истории польского национального самосознания: момент осознания того, что принцип суверенности наций [...] требует защиты не только от угрозы “внутри”, но также, не в меньшей степени, и от

угрозы “извне”. Таким образом, идея суверенности “шляхетской нации”, успешно противопоставленная всяким устремлениям к “*adsolutum dominium*”, преобразовалась в обоснование права поляков на независимость». И не случайно, что именно в это время в польском языке появилось слово *niepodległość* (независимость), которое являлось калькой латинского выражения *independentia* [Валіцкі 2012, с. 76—77].

Основной идеей польского национализма стала идея неизбывной суверенности народа (политической нации) во внутренних и внешних отношениях [Валіцкі 2012, с. 93]. В период разделов Речи Посполитой нация понималась поляками не как этническая принадлежность, а как принадлежность к государству. Поэтому, посягательства на разделы, а потом и сами разделы Речи Посполитой поставили на повестку дня польского общества польский вопрос, как стремление к восстановлению своей национальности, а, следовательно, и государственности.

В результате, унифицируя контексты употребления, в качестве дефиниции польского вопроса предлагаем следующее определение. Польский вопрос — это многосложная геополитическая проблема, связанная со стремлением польского народа к восстановлению независимости и территориальной целостности в условиях ее частичной или полной ликвидации, проявившаяся на международном, национальном и межнациональном уровнях в последней трети XVIII — середине XX в.

Международный уровень польского вопроса заключался в стремлении как отдельных стран, так и межгосударственных объединений определить судьбу польской государственности и польского народа путем реализации различных внешнеполитических стратегий: от установок на достижение их полного уничтожения до попыток восстановления или наделения ограниченным суверенитетом. Именно на международном уровне Российская империя впервые столкнулась с польским вопросом, участвуя в разделах Речи Посполитой. В дальнейшем для России он проявился, например, в принятии решения о создании Царства Польского на заседаниях Венского конгресса в 1814—1815 гг., или в определении польских границ на Теге-

ранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях в 1943—1945 гг.

Национальный уровень польского вопроса являлся внутренним для поляков. Он заключался в применении польским народом различных средств и методов достижения своей политической и национальной независимости, восстановления территориальной целостности и сохранения этнической самостоятельности. К выделению этого уровня еще в середине XIX в. подошел А. И. Герцен, подчеркивавший, что для поляков «вопрос польский, прежде всего, был вопрос национальный и только формально революционный, т[о] е[сть] по отношению к чужеземному игу» [Герцен 1957, с. 127].

В условиях Российской империи национальный уровень польского вопроса был связан с попытками поляков восстановить свою государственность за счет территорий бывшей Речи Посполитой, вошедших в состав России. Кроме того, польский народ был вынужден вести борьбу с мероприятиями по его обрусению (или русификации). Безусловно, предпринимаемые им меры заставляли другую, российскую, сторону реагировать, выстраивать свою внутреннюю политику. Точки соприкосновения польских и российских интересов становились частным проявлением межнационального уровня проблемы.

Межнациональный уровень польского вопроса заключался, с одной стороны, во влиянии стремлений поляков к восстановлению своей государственности и ее территориальной целостности на процессы зарождения национального и государственного самоопределения других народов, а с другой — в попытках достичь наиболее оптимальное положение польского народа в составе других государств. В каждом конкретном случае, например, для Германской империи, или для Австро-Венгерской империи, или для белорусского народа, польский вопрос заключался в специфическом наборе проблем (аспектов), являвшихся актуальными в конкретной временной и проблемной ситуации.

Содержание межнационального уровня польского вопроса в Российской империи может быть реконструировано по анализу тех проблем, которые поднимались в российской периодической печати. Периодика обратила внимание на поль-

ский вопрос в начале 1860-х гг. До волнений в Царстве Польском и последовавшего восстания польский вопрос «мало занимал общество», поскольку «политические сюжеты были вообще недоступны» литературе и публицистике [Пыпин 1880, с. 704, 718]. Восстание 1863—1864 гг. актуализировало не только польскую проблематику, но также спровоцировало конструирование националистического дискурса. Исследователи отмечают, что это время стало «рубежом в развитии публицистики и общественного сознания в России», началось «активное обсуждение национального вопроса не только в правительственных кругах, но и на страницах периодической печати» [Иванова 2012, с. 10—11].

Стремление поляков восстановить государство «от моря до моря» рассматривалось российской периодикой как посягательство на «исконно русские земли» Западного края, то есть воспринималось как угроза территориальной целостности империи. Именно поэтому, например, журнал «Русский вестник» отмечал, что польский вопрос являлся не проблемой «о правах польской [...] народности в пределах русской государственной области, а о правах и силе самой этой области». Издание подчеркивало, что «борьба име[ла] своим предметом существование русского государства», так как «власть старого польского государства простиралась не на одних только людей польского языка, но и на многочисленные народности другого языка и другой веры» [Катков 1863, с. 475, 476]. Журнал «Вестник Европы» также видел в польском вопросе проблему, угрожающую территориальному единству империи и, поэтому, сводившуюся к вопросу «о самом существовании России». В связи с этим издание отмечало, что «главный узел польского вопроса находи[лся] не в Польше, а в Западном крае» [Драгоманов 1872а, с. 655; Драгоманов 1872б, с. 183, 186].

Локализация польского вопроса в Царстве Польском и Западном крае (позже, в качестве отдельного региона была выделена Литва [Внутреннее обозрение 1877, с. 361; Наши внутренние дела 1897, с. 34—35]) обусловила понимание проблемы, как одного из основных «внутренних политических вопросов», заключавшихся в «управлении местностями с польским населением» [Внутреннее обозрение 1877, с. 361; Лопат-

тинский 1873а, с. 948; Лопатинский 1873б, с. 947]. Журнал «Наблюдатель» подчеркивал, что одним из «предметов государственной необходимости» был «вопрос об окраинах, т[о] е[сть] вопрос об обрусении и полном объединении всех наших, а особенно западных, окраин с ядром государства» [Липранди 1895, с. 27]. Понимаемый таким образом польский вопрос приобретал два территориальных аспекта. Первый состоял из политики интеграции Царства Польского, где поляки являлись коренным населением, в единый организм Российской империи. Второй аспект заключался в проведении в Западном крае политики по ликвидации политического, социально-экономического и культурного доминирования польского меньшинства над «русским» православным крестьянским большинством. Журнал «Наблюдатель», в частности, настаивал на «освобождении» Западного края от «искусственно созданного преобладания пришлых элементов» и утверждении в регионе «общерусских начал» [Липранди 1895, с. 27].

Польский вопрос также рассматривался периодической печатью как проблема восприятия поляков в условиях становления русской национальной идентичности и формирования системы ее отношений с другими этническими группами. В частности, редакция журнала «Наблюдатель» рассматривала польский вопрос в общем контексте национальной проблематики в Российской империи, которая связывалась с положением инородцев и проводимой внутренней политикой по отношению к ним [Наши внутренние дела 1884, с. 18]. Польский вопрос освещался как система межнациональных отношений поляков и русских («российско-польские отношения»), а также с точки зрения положения поляков в империи [Внутреннее обозрение 1877, с. 361; Кулаковский 1903, с. 133; Спор славян 1902, с. 375].

Другим проявлением польского вопроса, зафиксированным в периодической печати, была его связь с положением славян в иных государствах и решением славянского вопроса. В частности, журнал «Вестник Европы» отмечал зависимость между проводимой политикой по отношению к полякам и симпатиями славянского мира к России, как «к великой славянской державе» [Лопатинский 1873а, с. 948; Лопатинский 1873б,

с. 947]. В таком контексте, например, периодика печатала материал о положении поляков в составе Пруссии и Австро-Венгрии. Кроме того, стремление стран Западной Европы выступить посредниками в решении польского вопроса рассматривалось периодической печатью как внешняя угроза и вмешательство во внутренние дела Российской империи с целью ее ослабления [Иванова 2012, с. 10—11]. Как итог, составной частью межнационального уровня польского вопроса в Российской империи являлся внешнеполитический аспект.

Содержание польского вопроса отличается от содержания других близких понятий, например, «польские дела» и «российско-польские отношения». Польские дела — куда более широкое понятие, под которым можно понимать, во-первых, всю польскую историю; во-вторых, любые внешнеполитические и межнациональные отношения, которые связывали и связывают страны и народы с Польшей и поляками; в-третьих, политические интересы стран в Польше и попытки манипулирования польской внешней и внутренней политикой. Именно третье содержание понятия «польские дела» было характерно системе дипломатических отношений, сложившейся в Европе к середине XVIII в. Например, после принятия сеймом Речи Посполитой «Трактата вечного между Всероссийскою империей и Речью Посполитой польскою» от 13 (24) февраля 1768 г. Екатерина II отметила, что «с пользой для империи и славой для нас кончились уже все дела польские» [Инструкция 2002, с. 548].

Подмена польского вопроса понятием «российско-польские отношения» также является неоправданной. Польский вопрос являлся проблемой, затрагивавшей не только российскую государственность, но и другие европейские страны, причем как в их внешней, так и во внутренней политике. Кроме того, такая подмена при анализе причин остроты польского вопроса в XIX—XX вв. заставляет обращаться к более ранним периодам, например, ко времени военно-политического противостояния польского короля Болеслава I и Киевской Руси в начале XI в., что, безусловно, противоречит методу исторической ретроспекции.

Таким образом, несмотря на отсутствие в историографии единого подхода к определению и комплексному описанию тех явлений, которые составляли суть польского вопроса, данное понятие по своей нормативности находится в процессе нормализации. Оно обладает терминологическим статусом, выражающемся в обозначении специального понятия исторической науки и наличии фиксированного содержания. Применение терминоведческих методов анализа динамики информационной емкости польского вопроса позволило определить его структуру, раскрыть содержание и выработать дефиницию.

Формулирование польского вопроса практически одновременно происходило в дипломатических отношениях и внутри общества Речи Посполитой на протяжении 1762—1772 гг. Сложность и многоаспектность сложившейся проблемы, а также ее влияние на систему международных отношений, внутреннюю и внешнюю политику государств и судьбы народов, позволяют выделить ее международный, национальный и межнациональный уровни.

В Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. польский вопрос представлял комплекс проблем. Во-первых, он связывался с политикой интеграции поляков и польских земель в единый организм империи. Во-вторых, он понимался как борьба со стремлениями поляков к восстановлению своей национальной государственности и ее территориальной целостности в границах до разделов Речи Посполитой. Кроме того, польский вопрос выражался в противодействии геополитической миссии поляков в объединении славян Восточной Европы (так называемый «польский имперский проект»). С точки зрения российского правительства и общества в целом польский вопрос существовал в отношении этнических польских территорий (Царства Польского) и так называемого «Западного края», составившего в конце XVIII в. восточную часть Речи Посполитой. Он оказал влияние на формирование русского, белорусского, украинского и литовского национализмов, для которых был конкурирующим национальным проектом.

Вовлечение в проблемное поле польского вопроса многих государств и народов, отличавшихся исторической тради-

цией и уровнем политического, социально-экономического и культурного развития, а также выбранным вектором внутренней и внешней политики, обусловило сложность его решения. В связи с этим, благоприятные условия для снятия польского вопроса могли сложиться только в период масштабного территориального переформатирования границ европейских государств. Поэтому, его частичное урегулирование произошло лишь в результате Первой мировой войны, а окончательное разрешение — только в ходе определения нового миропорядка после Второй мировой войны.

Библиография

- Biskupski M.B. The History of Poland. — Westport, 2000. — 264 p.
- Davies N. Boże igrzysko: historia Polski. — Kraków, 2002. — 1184 s.
- Skowronek J. Snoch B. Szkolny słownik historii Polski, losy porozbiorowe 1795—1918. — Warszawa, 1997. — 176 s.
- Wandycz P.S. The United States and Poland. — Cambridge, 1980. — 474 p.
- Wereszycki H. Sprawa polska w XIX wieku // Polska XIX wieku: państwo, społeczeństwo, kultura. — Warszawa, 1977. — S. 121—161.
- Бобкова М.С. Терминологический инструментарий исторической науки: к постановке проблемы // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. — 2010. — Вып. 15, № 13 (84). — 102—108.
- Валіцкі А. Нацыя, нацыяналізм, патрыятызм. — Мінск, 2012. — 528 с.
- Виноградов С.Н. Термин как средство и объект описания (знаково-интерпретационный аспект русской лингвистической терминологии): автореф. дис. доктора филолог. наук. — Нижний Новгород, 2005. — 48 с.
- Внутреннее обозрение. 1 сентября 1877 // Вестник Европы. — 1877. — Т. 5. — Кн. 9. — С. 359—382.
- Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). — Москва, 2000. — 128 с.
- Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. / А. И. Герцен. — Москва, 1954—1965. — Т. 11: Былое и думы. 1852—1868. Части VI—VIII. — 1957. — 807 с.
- Головин Б.Н. Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. — Москва, 1987. — 104 с.
- Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). — Москва, 1999. — 272 с.

- [Драгоманов М.П.] Восточная политика Германии и обрусение: в 12 ч. Ч. I—III // Вестник Европы. — 1872. — Т. 1. — Кн. 2. — С. 640—694.
- [Драгоманов М.П.] Восточная политика Германии и обрусение: в 12 ч. Ч. IV—VI // Вестник Европы. — 1872. — Т. 2. — Кн. 3. — С. 182—241.
- Емельянов Е.П. Национальный вопрос в переписке И.С. Аксакова и Н.И. Костомарова // Научный диалог. — 2013. — № 6 (18): История. Социология. Этнография. — С. 21—29.
- Жуков О.Р. К вопросу о сопоставлении гуманитарных и естественно-научных терминов // Бюллетень медицинских конференций. — 2013. — Вып. 3, № 3. — С. 622—627.
- Иванова С. Обсуждение «польского вопроса» на страницах периодических изданий 60-х годов XIX века // Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego. — 2012. — № 1 (2). — С. 9—32.
- Иванова С.И. «Польский вопрос» в русской философии культуры второй половины XIX века: автореф. дис. канд. философ. наук. — Белгород, 2011. — 19 с.
- Ивина, Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). — Москва, 2003. — 304 с.
- Инструкция нашему генерал-аншефу, генерал-адъютанту, сенатору, лейб-гвардии конного полка подполковнику, Чрезвычайному и Полномочному послу при короле и Республике Польской, князю Михайле Волконскому. 31 марта 1769 года // Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. — Москва, 2002. — С. 542—570.
- [Катков М.Н.] Что нам делать с Польшей? // Русский вестник. — Т. 44. — 1863. — № 3. — С. 469—506.
- Кручковский Т.Т. Вместо предисловия. История Польши и современность в историографической традиции: общественно-политическая и историческая обусловленность проблематики и историческая наука // История Польши в историографической традиции XIX — начала XXI вв.: материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 29—30 октяб. 2009 г. — Гродно, 2011. — С. 2—11.
- Кручковский Т.Т. «Записка о Польше» Н. М. Карамзина как определение польского вопроса в России в первой трети XIX века // История Польши в историографической традиции XIX — нач. XX вв.: материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 29—30 октября 2009 г. — Гродно, 2011. — С. 95—103.

- [Кулаковский П.А.] Вопрос о «русско-польском примирении» и польские задачи: в 16 ч. Ч. I—IV // Русский вестник. — 1903. — Т. 285. — Кн. 5. — С. 133—154.
- Кутявин В.В. Польша и поляки в советской и современной российской историографии: устойчивость стереотипов // Историки-слависты МГУ: Сб. науч. тр. — Кн. 8: Славянский мир: В ознаменование 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи. — Москва, 2011. — С. 953—963.
- Лантюхова Н.Н., Загоровская О.В., Литвинова Т.А. Термин: определение понятия и его существенные признаки // Вестн. Воронежского ин-та ГПС МЧС России. — 2013. — Вып. 1 (6). — С. 42—45.
- Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. — Москва, 2007. — 256 с.
- Лепешко Б.М. Методология истории: краткая энциклопедия. — Брест, 2008. — 160 с.
- Липранди А.П. Русское дело в Западном крае: в 21 ч. Ч. I—VI // Наблюдатель. — 1895. — № 4. — С. 26—48.
- [Лопатинский Л.Г.] Варшавские письма. Письмо второе // Вестник Европы. — 1873. — Т. 2. — Кн. 4. — С. 944—958.
- [Лопатинский Л.Г.] Новейшая польская журналистика. Письмо в редакцию // Вестник Европы. — 1873. — Т. 1. — Кн. 2. — С. 932—947.
- Наши внутренние дела. 15 октября 1884 // Наблюдатель. — 1884. — № 10. — Современное обозрение. — С. 15—32.
- Наши внутренние дела. 15 сентября 1897 // Наблюдатель. — 1897. — № 9. — Современное обозрение. — С. 28—46.
- Николенко О.Ю. Термины родства в терминосистемах общественных наук // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Сер.: Филология. Искусствоведение. — 2011. — Вып. 57, № 24 (239). — С. 99—101.
- Пислегин Н.В. Польский вопрос в общественной мысли России 10–60-х гг. XIX в. [Электронный ресурс] // Румянцевский музей. — Режим доступа: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2371>. — Дата доступа: 19.11.2013.
- Пышин А.Н. Польский вопрос в русской литературе: в 8 ч. Ч. I—III // Вестник Европы. — 1880. — Т. 1. — Кн. 2. — С. 703—736.
- С.-Петербург, 25-го апреля. Гр. Мерси графу Кауницу // Сборник императорского исторического общества: в 148 т. — Санкт-Петербург, 1867—1916. — Т. 18. — 1876. — С. 274—285.

- Сидорцов В.Н., Приборович А.А. Научный дискурс историка: социальная обусловленность и методология исследования. — Минск, 2013. — 192 с.
- «Спор славян между собою» // Русский вестник. — 1902. — Т. 282. — Кн. 11. — Современная летопись. — Внутреннее обозрение. — С. 375—378.
- Становление и развитие белорусской государственности / А.Г. Кохановский, Ю.Л. Козаков, В. Ф. Ладысев [и др.]. — Минск, 2011. — 44 с.
- Суперанская А.В. Общая терминология. Терминологическая деятельность / А. В. Суперанская [и др.]. — Изд. 2-е. стереотипное. — Москва, 2005. — 288 с.
- Флоренский П.А. Термин // История отечественного терминоведения. Классики терминоведения: очерк и хрестоматия: в 2 т. — Москва, 1994. — Т. 1. — С. 359—400.
- Яковкина Е.В. Польский национальный вопрос в контексте модернизационных процессов (на примере истории польских земель последней трети XIX — начала XX а.) // Славяноведение. — 2009. — № 1. — С. 62—72.

The Polish question: the term, structure and content in the Russian Empire

The scientific terminological status, structure and content of the term “the Polish question” are defined on the basis of the interdisciplinary principle. The Polish question is regarded as a complex geopolitical problem tied with the Poles ambitions to attain the independence and territorial integrity, and had international, national and sub-national levels. The content of the Polish question in the Russian Empire is reconstructed based on the periodical press of the second half of XIX — early XX century.

Key words: the Polish question, Russian Empire, periodical press, terminological status, interdisciplinary.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Луферчик Евгений Георгиевич, магистр исторических наук, аспирант кафедры истории России, исторический факультет Белорусского государственного университета (Беларусь, Минск). Сфера научных интересов: польский вопрос в Российской империи и его репрезентация в общественно-политическом дискурсе.
E-mail: luf.zh@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Luferchyk Yauheni, Master of Historical sciences, PhD student of the Department of Russian History, the Faculty of History at the Belarusian State University (Belarus, Minsk). Field of study: the Polish question and its representation in the public and political discourse.